

ГРОЗИТ ЛИ РОССИИ КИТАЙСКАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА...

(Интервью доктора филологических наук,
и.о. директора Института Китая и современной Азии РАН,
декана Финансового университета при Правительстве РФ
Кирилла БАБАЕВА)

DOI: 10.7868/50233361922100019

– Кирилл Владимирович, 10 июля 2022 года Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН) получил новое название – Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). Если раньше институт имел статус Федерального государственного бюджетного учреждения науки (ФГБУН), то теперь, вместе с новым названием, вы стали Федеральным государственным автономным учреждением науки (ФГАУН). Это повышение в статусе или понижение? Поздравлять вас или сочувствовать?

– Разумеется, это важное и позитивное изменение. Во-первых, в нашем названии теперь закреплён главный предмет наших исследований. Мы являемся флагманским научным институтом по изучению и анализу нашего восточного соседа, крупнейшего стратегического и торгового партнёра. Кроме того, в последнее время Китай приобретает для российской внешней политики и внешнеэкономической деятельности чрезвычайно важное значение.

В КНР, как известно, давно функционирует Институт России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук, так что совершенно естественно, что и у нас должен быть научный центр, по своему названию ориентированный на Китай и окружающие его страны. Кроме того, термин “Дальний Восток” всё же в большей степени относится к российским дальневосточным регионам – мы с ними активно сотрудничаем, но не изучаем их.

– Означает ли изменение названия – по-моему, оно стало более конкретным и в географическом, и в историческом смысле – что ИКСА РАН “дрейфует” в сторону более прикладных, здесь и сейчас актуальных исследований? Ощущение, что государственному и политическому руководству страны остро не хватает квалифицированной экспертизы в этой области.

– Да, именно такую экспертизу мы и предоставляем как правительству, так и вузам, и российским компаниям, желающим делать бизнес с китайскими партнёрами. Мы в последнее время стали готовить много аналитики по текущим событиям, докладов по ситуации в Китае, вокруг него, в целом в АТР, в отношениях между Россией и странами региона. “Разворот на Восток” – вопрос стратегический, и мы помогаем государству сформировать эту стратегию, строим научную базу для всей восточной политики нашего государства. И полагаем, что для России сегодня это один из важнейших вопросов развития.

– Такой переход, – превращение ИКСА РАН, фактически, в экспертно-аналитическую организацию, think tank, если угодно, – как его удастся совместить с академическим статусом?

– Нет, мы не планируем превращаться в аналитический центр. У Института гигантский академический задел, его нужно использовать и развивать, а аналитика лишь производная от глубоких фундаментальных иссле-

дований, которые будут продолжаться и расширяться. Без научного изучения Китая, Японии, Вьетнама, Кореи, их культуры, истории, экономики и системы госуправления правильный анализ невозможен, и наш институт – сегодня единственный центр в стране, где эти две составляющих развиты на высшем уровне.

Кроме того, мы намерены углублять отношения с Российской академией наук и другими академическими институтами: это сотрудничество даёт нам очень много. К примеру, вот сейчас запускаем совместный с Институтом востоковедения РАН академический журнал “Российское китаеведение” – первое в России периодическое научное издание, полностью посвящённое Китаю. А с Институтом Латинской Америки РАН создаём совместный диссертационный совет.

– В мае 2022 года был создан Координационный совет по Китаю и странам Восточной и Юго-Восточной Азии. Вы – один из инициаторов создания этой структуры. Судя по всему, планируется сконцентрировать в нем самые различные структуры и экспертизу в этой области. На этом фоне, в чем изюминка компетенции ИКСА РАН?

– Инициаторами создания Совета выступили три крупнейших центра международных исследований: МГИМО, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) и мы. Его идею – объединить крупнейших специалистов по современному Китаю и Восточной

Азии – активно поддержали в Кремле и Белом доме. Сегодня в составе Совета состоят эксперты из десятка научных центров страны. А наш институт выступает оператором Совета, непосредственно взаимодействует с органами власти и корпорациями, получает от них запросы и затем передаёт их экспертам Совета.

Мы уже работаем с несколькими министерствами, они хорошо знают: если у них появляются вопросы о том, как выстраивать работу с Китаем в той или иной сфере, они всегда могут обратиться за консультацией к экспертам Совета. И для самих экспертов этот контакт очень ценен, ведь мы получаем запрос от государства из первых рук. Координационный совет призван стать хабом для разработки идей и конкретных шагов по работе с Китаем и другими странами региона в области как политики, так и экономики и бизнеса.

– Отдельный вопрос: о кадровом обеспечении работы института. Каким ресурсом в этом плане вы сейчас располагаете?

– Наш коллектив омолаживается, становится более динамичным и профессиональным. При этом мы принципиально сохраняем нашу великолепную “старую гвардию”: это наши учителя, хранители наших многолетних традиций, наставники нашей молодёжи. А долю молодых непременно будем наращивать: для этого мы заключили консорциумы с МГУ, НИУ ВШЭ, МГИМО, где будем растить новое поколение китаеведов.

В Высшей школе экономики открылась наша базовая кафедра, а в Финансовом университете при Правительстве РФ мы запустили новую программу бакалавриата по экономике Китая – и она демонстрирует очень высокий спрос со стороны абитуриентов. Стране понадобится много специалистов по Китаю и другим странам Востока: мы помогаем университетам их формировать и убеждены, что эта стратегия будет успешной.

– В этом году Центр безопасности и новых технологий (Center for security and emerging technology, CSET) Джорджтаунского университета (США) опубликовал интересное исследование: “Зарубежные технологии для Китая. Список желаемого” (China’s Foreign Technology. Wish List. May 2021). Проанализировав работу более 140 китайских дипломатов по науке и технологиям (S&T diplomats) за пятилетку 2015–2020 годов в 52 странах, американские эксперты пришли к выводу, что главной страной-донором новых технологий для Поднебесной стала Россия: 112 технологических проектов с китайскими товарищами. Одна из глав доклада CSET так и называется: “Россия как технологическая корзина” (Russia as a Technological Breadbasket). США – на втором месте, 77 проектов.

Вместе с тем именно в последние годы около десятка российских ученых были обвинены в шпионаже в пользу Китая. Самый свежий пример – арест двух физиков из Сибир-

ского отделения Российской академии наук: Дмитрия Колкера и Анатолия Маслова... Это уже выглядит как некая системная проблема во взаимоотношениях наших стран. В чём тут дело, по вашему мнению? Какова должна быть "линия поведения" нашей страны в этой ситуации? И как работать в такой реальности академическому синологу?

– Разумеется, в международных связях сегодня приходится соблюдать осторожность, но ничего необычного здесь нет. Технологическое соперничество в мире обостряется на глазах – значит, активизируются и разведслужбы. Учёному нужно отдавать себе отчёт в том, что интересы страны должны соблюдаться в первую очередь, какими бы дружескими ни были отношения с зарубежными коллегами. И трижды думать, прежде чем делиться результатами своей работы с ними: особенно в таких чувствительных областях, как физика. Мы активно работаем с нашими коллегами из спецслужб и благодарны им за помощь и своевременные советы.

– **Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, применив систему интеллектуального анализа больших данных iFORA, выявил актуальные цели, тренды и приоритетные направления научно-технической политики Китая. Проанализирован массив документов на китайском языке, определяющих стратегические цели и основы научно-технической политики Китая на 2016–2025 годы и на более продолжительный период.**

К 2035 году КНР планирует стать мировым лидером в инновациях: в информационных технологиях, квантовой информатике, биотехнологии, в освоении морского, воздушного и космического пространства, в создании новых материалов и энергетики (водородной, в частности)... В общем, сложно сказать, в каком направлении китайцы не намерены стать лидерами.

Как вы считаете, это несет какие-то риски для России? Ведь, если сегодня выявилась критическая зависимость отечественной экономики от западных технологий (и, кстати, японских и южнокорейских), то не попадем ли мы в будущем в такую же "китайскую" ловушку?

– Да, я читал отчёт ВШЭ – прекрасный анализ. Действительно, зависимость от западных поставщиков, оборудования, технологий сыграла с нами злую шутку, когда Запад резко перешёл к политике "железного занавеса". Важно теперь не повторить сделанных ошибок в отношении стран Востока. Россия должна уверенно стоять на двух ногах, выстраивая взаимовыгодные отношения со всеми крупными мировыми игроками, заимствуя лучшие практики – только тогда её технологическое развитие будет успешным.

Я поэтому убеждён, что "разворот на Восток" нужно рассматривать не как "поворот спиной к Европе", а как выстраивание разумного баланса между западным и восточным векторами нашего технологического взаимодействия. Это единственный путь к техно-

логической самостоятельности в высококонкурентном мире.

– А какие трудности могут подстергать Китай на пути к достижению глобального технологического лидерства?

– Главная трудность как для нас, так и для Китая сегодня – деструктивная позиция США и их союзников. Повестка западных стран в сфере глобального развития на глазах стала негативной: в то время как Россия, КНР, другие страны БРИКС обсуждают экономическое развитие, глобальное взаимодействие, всеобщую безопасность, страны “семёрки” говорят только о санкциях, запретах, ограничении, сдерживании. Утрачивая глобальное лидерство, США стремятся поставить максимальные заслоны для быстрого развития России и Китая как своих крупнейших соперников, но добиваются этим только более интенсивных усилий наших стран по построению независимых от Запада технологических пространств, платформ, механизмов. Прогресс остановить невозможно: эта европейская по происхождению мысль сегодня, кажется, начисто забыта и в Европе, и в США. Но от этого она ведь не перестаёт быть истиной.

– Мне давно запомнилась китайская поговорка: “Если долго сидеть на берегу реки, то мимо проплывет труп твоего врага”. То есть, китайское общество – это общество долгой воли. Пример с Тайванем, а раньше с Гонконгом – хо-

рошая иллюстрация этому. Ещё в 2016 году директор Центра Китайских исследований Гудзоновского института Майкл Пиллсбери отмечал, что КНР, в ознаменование 100-летия Китайской революции, к 2049 году планирует стать единственной супердержавой в мире. Русский менталитет, наоборот, часто характеризуют как менталитет людей способных на титаническое, одномоментное сверхусилие, но долговременные проекты – это не для нас. Примеров тоже хватает. Насколько эффективным может быть сотрудничество культур с такими разными фенотипами?

– Разумеется, нас и Китай, вообще Восток, сегодня разделяет гигантское пространство. Но именно поэтому задача изучить Восток, понять его культуру, мышление, методы управления, экономические и научные модели и является такой интересной. Российские и китайские принципы, взгляды и глобальные интересы сегодня во многом совпадают, что гарантирует успешное сотрудничество между нашими странами и народами.

Убеждён, что научное изучение и практическое сотрудничество – два важнейших инструмента, чтобы со временем лучше понять друг друга и взять от соседа то лучшее, что может быть применено у нас дома. Собственно, именно этой увлекательной задаче и посвящена работа нашего Института Китая и современной Азии РАН.

**Беседу вёл
Андрей МОРОЗОВ**